

УДК 343

ОТЛИЧИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ ОТ ДАЧИ ВЗЯТКИ

Фендрикова Е.В.

студентка,

Юридический институт НИУ «БелГУ»,

Белгород, Россия¹

Аннотация

В статье рассматривается проблема разграничения физического посредничества во взяточничестве и дачи взятки в соответствии с положениями уголовного законодательства. Анализируется правовая природа посредничества как самостоятельного состава преступления, с выделением его функциональных и структурных признаков. Рассмотрены вопросы разграничения данных форм преступного поведения, их квалификационные особенности и практическое значение для правоприменительной деятельности.

Ключевые слова. Посредничество, взяточничество, уголовная ответственность, разграничение составов преступлений.

THE DIFFERENCE BETWEEN PHYSICAL MEDIATION IN BRIBERY AND GIVING A BRIBE

Fendrikova E. V.

student,

BelSU Law Institute,

¹ *Научный руководитель: Шумилина О. С., к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и процесса Юридический институт НИУ «БелГУ», Белгород, Россия*

Belgorod, Russia ²

Abstract

The article discusses the problem of distinguishing between physical mediation in bribery and giving a bribe in accordance with the provisions of criminal law. The author analyzes the legal nature of mediation as an independent corpus delicti, highlighting its functional and structural features. The issues of differentiation of these forms of criminal behavior, their qualification features and practical significance for law enforcement are considered.

Keywords. Mediation, bribery, criminal liability, delineation of crimes.

Коррупция в Российской Федерации традиционно рассматривается как одно из наиболее опасных социально-правовых явлений, подрывающих основы демократического государства, препятствующих развитию экономики и снижающих доверие общества к институтам власти.

Особое место среди коррупционных преступлений занимает взяточничество, нормы об ответственности за которое закреплены в главе 30 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В частности, уголовно наказуемыми являются как дача взятки (ст. 291 УК РФ), так и посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) [8].

Важно отметить, что законодатель закрепил посредничество во взяточничестве как самостоятельный состав преступления, приравняв его по степени общественной опасности к даче и получению взятки. Однако, несмотря на внешнюю близость этих деяний, их правовая природа существенно различается.

Посредничество во взяточничестве представляет собой действия, направленные на оказание содействия во встрече взяточдателя и

² *Scientific supervisor: Shumilina O. S., Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, BelSU Law Institute, Belgorod, Russia*

взятополучателя, передаче предмета взятки, согласовании условий её предоставления. Законодатель прямо указывает, что посредничеством признаются как фактические действия по передаче незаконного вознаграждения, так и обещание или предложение оказать такое содействие (ч. 1 ст. 291.1 УК РФ).

Таким образом, посредник выполняет роль связующего звена, но не является самостоятельным участником коррупционной сделки.

Основным отличием посредничества от дачи взятки является наличие или отсутствие личного интереса. Если лицо передаёт ценности должностному лицу от своего имени и в своих интересах, его действия образуют состав преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ. Если же лицо действует исключительно по поручению и не имеет собственной заинтересованности, речь идёт о посредничестве (ст. 291.1 УК РФ).

Примером может служить ситуация, когда гражданин А. передаёт денежные средства должностному лицу от имени предпринимателя Б. При условии, что А. не преследует собственных целей, его действия образуют состав посредничества. Однако если А. выступает инициатором передачи взятки, например, чтобы решить личный вопрос с должностным лицом, то его действия подлежат квалификации как дача взятки.

Дополнительное различие заключается в характере умысла. Для взятодателя умысел носит прямой характер и направлен на извлечение выгоды. Для посредника же умысел ограничен содействием в реализации чужого преступного замысла.

Проблема разграничения указанных преступлений имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Судебная практика свидетельствует о том, что квалификация действий лица, передающего взятку по поручению взятодателя, зачастую вызывает затруднения.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [7] разъясняется, что посредничество представляет собой действия лица, направленные на передачу предмета взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя, либо на иное содействие достижению или реализации соглашения между ними. При этом Пленум Верховного суда РФ подчёркивает необходимость учитывать умысел посредника: если он выступает в роли самостоятельного инициатора взятки, его действия должны квалифицироваться как дача взятки.

Значимость данных разъяснений подтверждается и судебной практикой. В частности, суды обязаны разграничивать ситуации, когда лицо лишь выполняет поручение сторон взяточничества (посредничество), и случаи, когда оно само преследует цель незаконного вознаграждения должностного лица (дача взятки). Неправильное толкование указанных норм способно привести к нарушению принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) и назначению несоразмерного наказания.

Проблематика разграничения посредничества во взяточничестве и дачи взятки является предметом активных научных дискуссий в отечественной уголовно-правовой литературе. Научные взгляды можно условно разделить на несколько подходов.

Подхода, основанного на функциональном разграничении, придерживаются А.И. Коробеев и А.Н. Игнатов, которые полагают, что ключевым критерием отличия посредничества является его вспомогательная функция. Посредник содействует реализации коррупционного соглашения, но не вступает в него как сторона [3]. Он не получает выгоды и не выражает личной заинтересованности в результатах передачи ценностей. Таким образом, посредник — это лицо, которое, образно говоря, «обслуживает» сделку между взяткодателем и взяткополучателем

Другая группа учёных, в числе которых В.В. Лунеев и И.И. Карпец, разделяют точку зрения, делающую акцент на субъективную сторону преступления, считая, что определяющим моментом является наличие или отсутствие у посредника прямого умысла на получение выгоды [4]. Если лицо осознаёт, что действует исключительно в интересах третьих лиц и не рассчитывает на встречное благо, его действия следует квалифицировать как посредничество. Но если посредник имеет собственную заинтересованность, то его действия приравниваются к самостоятельной даче взятки.

Также существуют и позиции авторов, которые полагают, что законодатель излишне криминализировал посредничество. Так, по мнению некоторых авторов, выделение посредничества в самостоятельный состав (ст. 291.1 УК РФ) искусственно усложняет квалификацию и дублирует институт соучастия (пособничества). В частности, Л.Д. Гаухман указывает, что посредник по своей сути выполняет функции пособника при даче или получении взятки, а потому выделение данного деяния в самостоятельную норму вызывает сомнения в системности уголовного законодательства [1].

Помимо этого есть место и для компромиссного подхода, так как некоторые учёные, например, Н.Г. Кадников, признают самостоятельность состава посредничества, но предлагают сузить его пределы [2]. В частности, указывается, что уголовная ответственность должна наступать лишь в случаях, когда посредничество носит организованный, устойчивый характер, либо сопровождается получением вознаграждения от одной из сторон сделки. При этом разовые поручения без признаков корысти целесообразно рассматривать как разновидность пособничества.

Проанализировав теоретические подходы понимания дачи взятки и посредничества в даче взятки, мы пришли к выводу, что в научном сообществе отсутствует единство взглядов на природу посредничества во взяточничестве. Одни авторы подчеркивают его самостоятельность и

специфику, другие видят в нём разновидность соучастия, третьи предлагают реформировать действующую норму с целью устранения противоречий.

Разграничение физического посредничества во взяточничестве и самостоятельной дачи взятки находит отражение в многочисленных примерах судебной практики. Верховный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что при квалификации необходимо учитывать роль лица в коррупционной сделке и его субъективное отношение к происходящему.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 [7] указано, что посредничество предполагает действия лица по передаче предмета взятки или иному способствованию соглашению между взяткодателем и взяткополучателем, совершаемые по поручению одной из сторон. Если же лицо действует в собственных интересах, передавая ценности должностному лицу, его действия подлежат квалификации по ст. 291 УК РФ как дача взятки.

Примером корректного применения данных положений является Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 июня 2016 г. по делу № 29-УД16-7 [6]. Гражданин, передавший денежные средства должностному лицу по просьбе знакомого, первоначально был осуждён по ст. 291 УК РФ. Однако Верховный Суд переквалифицировал его действия на ст. 291.1 УК РФ, указав, что подсудимый не имел собственной заинтересованности и выступал лишь в роли посредника.

Вместе с тем практика знает и обратные ситуации. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 14 ноября 2018 г. № 46-УД18-12 [5] лицо, передававшее взятку по поручению предпринимателя, одновременно стремилось решить и личные вопросы с должностным лицом. Суд признал

наличие у него самостоятельного интереса и квалифицировал его действия как дачу взятки.

Таким образом, судебная практика подтверждает, что главным критерием разграничения посредничества и дачи взятки является наличие либо отсутствие у лица личной заинтересованности. При её наличии передача ценностей квалифицируется как дача взятки, а при отсутствии — как посредничество.

Несмотря на наличие разъяснений Верховного Суда РФ, в практике правоприменения сохраняется ряд пробелов и противоречий, связанных с разграничением физического посредничества во взяточничестве и самостоятельной дачи взятки.

Во-первых, на практике нередко смешиваются понятия посредничества и пособничества. В некоторых случаях действия лица, передающего взятку по поручению, квалифицируются судами как пособничество в даче взятки (ч. 5 ст. 33 и ст. 291 УК РФ), хотя объективно они подпадают под признаки посредничества (ст. 291.1 УК РФ). Такая квалификация приводит к искажению сути содеянного, поскольку институт пособничества предполагает соучастие в преступлении, тогда как посредничество законодатель выделяет как самостоятельный состав.

Во-вторых, отсутствует единый подход к оценке ситуаций, когда посредник получает вознаграждение за свои действия. Одни суды рассматривают это как дополнительную личную заинтересованность и квалифицируют содеянное по ст. 291 УК РФ, другие — как посредничество, указывая, что вознаграждение исходит не от должностного лица, а от взяткодателя. Данный пробел в законодательстве приводит к разнотолкам и необходимости дополнительных разъяснений.

В-третьих, следственно-судебная практика показывает трудности при оценке умысла посредника. Правоохранителям зачастую сложно доказать отсутствие у него личной заинтересованности, особенно если сам посредник получает иные блага (например, услугу, помощь, ускорение решения собственных вопросов). В результате одни и те же фактические обстоятельства могут трактоваться по-разному — от посредничества до самостоятельной дачи взятки.

В-четвёртых, проблемным остаётся вопрос об ответственности лица, которое выступает инициатором передачи взятки и привлекает посредника. В таких случаях суды по-разному квалифицируют действия посредника: одни — как соисполнительство в даче взятки, другие — как посредничество. Отсутствие чётких критериев создаёт почву для судебных ошибок.

Резюмируя вышесказанное можно прийти к выводу, что практика применения ст. 291 и 291.1 УК РФ демонстрирует, что при всей формальной определённости норм разграничение посредничества и дачи взятки остаётся дискуссионным и противоречивым. Решение указанных проблем требует уточнения законодательных положений и дополнительного разъяснения со стороны Верховного Суда РФ, что позволит минимизировать риск судебных ошибок и обеспечить единообразие правоприменения.

Таким образом, проведённый анализ показал, что разграничение физического посредничества во взяточничестве и дачи взятки имеет как теоретическую, так и практическую значимость. В современной уголовно-правовой доктрине и следственно-судебной практике данный вопрос остаётся одним из наиболее дискуссионных, что объясняется схожестью объективной стороны обоих составов преступлений и сложностью установления субъективных признаков.

Уточнение правоприменительных подходов и совершенствование законодательства позволит не только снизить количество ошибок при

квалификации, но и повысить эффективность борьбы с коррупционными проявлениями в Российской Федерации.

Библиографический список:

1. Гаухман Л. Д. Уголовное право России. Особенная часть : учебное пособие. — М. : Эксмо, 2020. — 720 с.
2. Кадников Н. Г. Преступления против государственной власти : курс лекций. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2018. — 432 с.
3. Коробеев А. И. Квалификация преступлений : учебное пособие. — М. : Норма, 2019. — 368 с.
4. Лунеев В. В. Преступность XX века : мировые, региональные и российские тенденции. — М. : Норма, 2017. — 608 с.
5. Определение Верховного Суда РФ от 14 ноября 2018 г. № 46-УД18-12.
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 июня 2016 г. по делу № 29-УД16-7.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. — 2013. — 12 июля.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

Оригинальность 76%